

Он знал, что Волдеморт боится смерти. Он хотел жить просто потому, что боялся альтернативы, а не потому, что жизнь предлагала ему что-то полезное. Гарри почувствовал кратковременное сочувствие к Тому Риддлу, никогда не испытывавшему той необыкновенной полноты, которую могла бы дать ему такая женщина, как Джинни. Но даже если это и помогло бы Гарри в конце концов победить Волдеморта, это не решало проблему частицы души Волдеморта, которая все еще оставалась внутри него. Он знал, что Гермиона права - предметы, содержащие душу Волдеморта, могли остаться нетронутыми после уничтожения крестража. У него все еще были все артефакты, чтобы доказать это, кроме медальона. Он опустился на дно озера вместе с инфери, вокруг шеи которого он был обернут. Гарри видел, как инфери погрузился под воду, и знал, что он остался целым. Итак, все артефакты уцелели, потрепанные и изношенные, но Гарри не видел способа достать крестраж, не лишив себя жизни. Он потянул за веревочный браслет, который носил на запястье. Аквамариновый камень, запрятанный в него, был теплым и успокаивающим на его коже. Гарри вздохнул, и в его сознании мелькнул образ Завесы, которая забрала у него Сириуса. Он задался вопросом, было ли это безболезненно. Мысль об использовании вуали преследовала его, но его удерживала идея оставить Рона, Гермиону и особенно Джинни с теми же яркими кошмарами, которые он пережил, потеряв Сириуса. Он взглянул на Рона и Гермиону, которые крепко спали на другой кровати. Рон лежал, широко раскинув руки, и занимал гораздо больше своей половины кровати. Гермиона, в голубой косынке, которую она все еще использовала по ночам, когда снимала парик, прижалась к нему, используя его руку в качестве подушки. Гарри наблюдал, как она просыпалась каждое утро, слепо тянувшись к своему рыжему парикку так же, как Гарри тянулся к своим очкам. Когда время ускользало, Гарри почувствовал, что ему действительно нужно написать каждому из них прощальное письмо, объяснив, как много они все для него значат.

Это было то, что он хотел бы получить от Сириуса, и он знал, что никогда не сможет выразить свои чувства к ним. Тем не менее, изложение своих мыслей в письменном виде сделало все это гораздо более реальным и... близким. Он непроизвольно вздрогнул, и глаза Джинни дрогнули. Она несколько раз моргнула, сориентировавшись, где находится, и только потом подняла на него сонные глаза. "Доброе утро", - сказала она, зарываясь в тепло его тела. "Доброе утро", - ответил Гарри, наклоняясь, чтобы поцеловать макушку ее головы. "Ты хорошо спала?" "Хм-м-м. Мне нравится спать с тобой", - сказала она. Гарри почувствовал, как тепло наполнило его тело. "Мне тоже нравится спать с тобой - даже если мы действительно спим", - нахально сказал он. Он почувствовал, как тело Джинни задрожало, когда она захихикала. "Не дай Рону услышать тебя, он прыгнет в эту кровать и ляжет между нами". "Фу", - сказал Гарри, скривив лицо. "Хороший способ разрушить фантазию, Джинни". "Фантазию", - сказала Джинни, смеясь. "Я в твоих фантазиях, Гарри?" "Ты играешь главную роль в моих фантазиях задолго до того, как мы начали встречаться", - сказал Гарри, усмехаясь, вспоминая, как он горячо надеялся, что не разговаривал во сне, когда жил в одном общежитии с Роном. "Хм", - сказала Джинни, выглядя чрезвычайно довольной. "Хорошо." "Хорошо?" спросил Гарри. "Хорошо? Значит, тебе это нравится, да?" Он перевернулся так, что она оказалась прижатой к нему, и начал щекотать ее бока, пока она не задышалась.